

УДК 141. 333

**КОРРЕЛЯЦІЯ МЕЖДУ ПРЕДАНИЕМ
И ПИСАНИЕМ В БОГОСЛОВИИ
В. Н. ЛОССКОГО**

**КОРЕЛЯЦІЯ МІЖ ВІДДАНИСТЬ І ПИСАННЯ
В БОГОСЛОВ'І В. Н. ЛОСЬКІЙ**

**THE CORRELATION BETWEEN TRADITION
AND SCRIPTURE IN THE THEOLOGY OF
V. N. LOSSKY**

Саблон Лейва Э. А.,

магістр релігієзнавства, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (Киев, Украина),
e-mail: esablonleiva@gmail.com
Orcid: 0000-0003-3743-9271

Саблон Лейва Е. А.,

магістр релігієзнавства, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (Київ, Україна),
e-mail: esablonleiva@gmail.com
Orcid: 0000-0003-3743-9271

Sablon Leiva E. A.,

Master of Arts in Religious Studies, National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine),
e-mail: esablonleiva@gmail.com
Orcid: 0000-0003-3743-9271

Цель статьи: критически проанализировать мистико-апофатическую концепцию «Предание» русско-французского православного богослова В. Н. Лосского, а также определить точки соприкосновения и пересечения между Преданием и Писанием в его богословии. Методология: герменевтический и философско-теологический анализ первоисточников – работ Лосского и вторичных источников – работ других богословов, проливающих свет на данный вопрос.

Основные полученные результаты: в статье демонстрируется, что, четко отделяя православную позицию в отношении Предания от католической и протестантской, Лосский в свойственной ему апофатической манере скорее описывал, чем определял Предание. В его понимании Предание не имеет ничего общего с «буквой», разумом или откровением, в то время как Писание является одним из исторических «свидетелей» Предания или ойкономической деятельности Духа Святого в Церкви. Корреляция между Преданием и Писанием заключается в том, что Предание мистическим образом содействует и делает возможной верную интерпретацию и восприятие Писания в тесной связи с католическим сознанием и памятью Церкви.

Ключевые слова: богословие В. Н. Лосского, концепция Предания, соотношение Предания и Писания, апофатизм, мистицизм.

Мета статті: критично проаналізувати мистико-апофатичну концепцію «Переказ» російсько-французького православного богослова В. Н. Лосського, а також визначити точки дотику і перетину між Переданням і Писанням в його богослов'ї. Методологія: герменевтичний та філософсько-теологічний аналіз першоджерел - робіт Лосського та вторинних джерел - робіт інших богословів, які проливають світло на це питання.

Основні отримані результати: в статті демонструється, що, чітко відділяючи православну позицію щодо Передання від католицької і протестантської, Лосський у властивій йому апофатичній манері швидше описував, ніж визначав Передання. У його розумінні Переказ не має нічого спільного з «буквою», розумом чи то відкриттям, в той час як Писання є одним з історичних «свідків» Переказу або ойкономічної діяльності Духа Святого в Церкві. Кореляція між Переданням і Писанням полягає в тому, що Переказ мистичним чином сприяє і робить можливою вірну інтерпретацію і сприйняття Писання в тісному зв'язку з Кафолічна свідомістю і пам'яттю Церкви.

Ключові слова: богослов'я В. Н. Лосського, концепція Передання, співвідношення Передання і Писання, апофатизм, мистицизм.

The purpose of this article is to critically analyze the mystical and apophatic concept of "Tradition", as well as to determine the points of contact and intersection between Tradition and Scripture in the theology of the Russian-French Orthodox theologian V. N. Lossky. The methodology consists of a hermeneutical and philosophico-theological analysis of the primary sources – Lossky's works and secondary sources – other theologians' works which shed light on this matter. The main results obtained: the article demonstrates that, clearly separating the Orthodox position regarding Tradition from the Catholic and Protestant, Lossky, in his apophatic manner, rather described Tradition than defined it. In his understanding, Tradition has nothing to do with the "letter", reason, or revelation, while Scripture is one of the historical "witnesses" of Tradition or the iconomical activity of the Holy Spirit in the Church. The correlation between Tradition and Scripture is that the former mystically promotes and makes possible a correct interpretation and perception of the latter in the close connection with the catholic consciousness and memory of the Church.

Keywords: theology of V. N. Lossky, the concept of Tradition, the correlation between Tradition and Scripture, apophatism, mysticism.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Понятие «предания» наряду с «Писанием» и «учительством Церкви» имеет важнейшее методологическое значение для богословия. Исторические церкви, православная и католическая, видят в предании часть откровения. При этом происходит различение «Предания» Церкви в целом и местных «преданий», из которых последние менее значимы. Задачей богословия католики и православный все XX столетие видели возвращение от местных традиций к Преданию Церкви в целом.

Анализ понимания концепта «предания» в современном православном богословии активно развивается зарубежными и отечественными авторами. Митрополит Калист Уер в предании видит мета-категорию православного богословия и мировоззрения, и даже пытается редуцировать Писание к записаной части Предания. Священник Д. Станилоае, наоборот, Писание ставит выше предания и преданий, доказывая необходимость обновления православия при помощи библиоцентризма. При этом следует отметить, что сам Д. Станилоае сделал очень много для деятельного возрождения предания, для возврата к стилю, букве и духу мысли греческих отцов Церкви. Священники Георгий Флоровский и Александр Шмеман в предании видят евхаристию, чинопоследование которой передается и развивается из поколения в поколение, а само событие литургии конституирует церковь как таковую.

Владимира Николаевича Лосского – крупнейшего русско-французского православного богослова – по праву можно считать самым выдающимся православным идеологом концепции предания XX века. Именно предание (*paradosis*) наряду с соборностью играет в его экклесиологии центральную роль. Самой значимой работой, в которой Лосский эксплицитно, целенаправленно и подробно раскрывает свой взгляд на предание, является «Предание и предания». В этом эссе он обсуждает несколько подходов к определению

предания, а также различные проблемы, связанные с этими подходами. Кроме того, он приводит в нем свою дифференциацию таких смежных и родственных, но не идентичных, с его точки зрения, понятий, как предание со строчной буквы и Предание с прописной буквы, рассматривая при этом целый спектр проблем, связанных с их корреляцией. (В ходе данного исследования, во избежание возможной понятийной путаницы, эти понятия, или категории, также будут различаться строчной и, соответственно, прописной буквами).

Специальное внимание в своем эссе среди прочего Лосский уделяет топике, которая волнует скорее протестантских теологов, чем его самого, а именно: соотношение Священного Предания и Священного Писания. Несмотря на то что ни Лосский, ни восточное православие в целом никогда не видели какой-либо коллизии между Преданием и Писанием, он уделяет пристальное внимание этому немаловажному вопросу, рассматривая различные и, по его мнению, ложные представления о нем. Как отмечает Альфонс Брюнинг, Лосский наряду с другими православными богословами пытался «спасти термин “предание” как от сведения его к “апостольскому преданию”, согласно католическому учению, так и от протестантской противоположности, сформулированной в принципе *sola scriptura*» [7, с. 82].

Лосский был не согласен с популярной классификацией Предания и Писания как устных и письменных источников. Мы остаемся на поверхности, если противопоставляем «написанные чернилами книги и сказанные живым голосом проповеди», – писал он [5, с. 675]. Результатом такого взгляда можно считать то, что переданное устно или даже «немым» языком (например, в иконописи и богослужебных образах) Предание становится откровением, которое, будучи явленным во времени и пространстве, тем самым перестает быть тайной *per se*. Однако Лосский не мог принять этого. Как мы увидим ниже, он настаивал на том, что Предание – это всегда «тайна»; его нельзя свести к «слову» в какой-либо форме, будь то устной, письменной или даже «немой».

Предание невозможно кодифицировать или систематизировать, поскольку оно нечто живое, даже мистическое; оно динамично, а не статично. Следовательно, любые попытки заключить это понятие в какие-либо лапидарно-рациональные формулировки и определения аннигилируют его как такое, каким его (за)мыслил Лосский. Чтобы постичь концепцию Предания Лосского, лучше всего, как мы увидим далее, сосредоточиться на его способе *описания* Предания, чем на его *определении*.

В силу особо выраженного мистического понимания Лосским Предания, а также его апофатического подхода, очень сложно очертить четкие границы его концепции Предания. Более того, как он сам утверждает, «в Предании, в очищенном его понятии, нет ничего формального» [5, с. 682]. Однако несмотря на все это, он все

же осмеливается предпринять попытку дать определение Преданию: «...оно есть жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не в естественном свете человеческого разума» [5, с. 682]. В богословских построениях Лосского Предание играет фундаментальную роль, поскольку является «основ[ой] христианского познания» [5, с. 684]. Для него Предание «не есть содержание Откровения, но единственный модус его приятия, та сообщаемая Духом Святым возможность, которая и дает Церкви способность познавать отношение Воплощенного Слова к Отцу (высший гносис, который и есть для отцов первых веков “Богословие” в подлинном смысле этого слова), так же как и познавать тайны Божественной икономии, начиная с сотворения неба и земли – книги Бытия, – вплоть до Нового неба и Новой земли Апокалипсиса» [5, с. 685]. Иными словами, Лосский утверждает, что Истина познаваема только в свете Предания. Предание *просвещает* человека, позволяя ему воспринимать истину, а не *информирует* его. Конечно, для Лосского это возможно только внутри Церкви и при содействии Святого Духа. Эту эпистемологическую, или гносеологическую, функцию не следует путать с герменевтической (хотя Предание обладает и этой функцией, о которой будет сказано позже). Предание не просто истолковывает Писание; оно делает человека способным воспринимать и, как следствие, знать Истину. Таким образом, Предание не суть или содержание того, что передается, а способность воспринимать и понимать это.

Важно отметить, что язык и терминология Лосского в корне отличаются от языка Реформации и Контрреформации в отношении корреляции Священного Предания и Священного Писания. В частности, он решительно отказывается идентифицировать Предание и Писание, как это принято по большей части в западных традициях, как «источники откровения» или как «источники богословия». Такая позиция обусловлена многими факторами, однако мы намерены отметить здесь только два из них: во-первых, Предание является (как уже упоминалось выше) скорее средством понимания откровения, чем его содержанием. Во-вторых, необходимо учитывать тот факт, что в богословии Лосского единственным источником откровения является сам Святой Дух – создатель и носитель Предания [6, с. 58]. Следовательно, ни о каких «источниках» (во множественном числе) откровения не может быть и речи.

Кроме того, как уже было сказано, Лосский не видел никаких проблем во взаимоотношениях между Преданием и Писанием. Если быть точными, то он видел проблему в ошибочных попытках разделить или противопоставить их друг другу. Косвенно и частично он приписывает эту ошибку католикам (в частности, тридентскому определению Предания) и протестантам (их учению о достаточности Писания). Он считал Писание и Предание двумя реальностями (но не

двумя источниками откровения, как это принято понимать в католицизме), которые являются различными способами выражения «одной и той же полноты Откровения, сообщенного Церкви» [5, с. 673]. Однако это различие не является строго радикальным или формальным. Для Лосского Писание наряду с иконографией, догмой и литургикой является свидетелем «Предания Духа Святого» [5, с. 697].

Главное различие между Писанием и Преданием, по мнению Лосского, состоит не столько в способе их передачи (т. е. устной или письменной), сколько в их природе и функциях. В соответствии с этой точкой зрения, Писание можно охарактеризовать такими терминами, как «проповедь», «слово» (*logos*) или «содержание» (будь то открыто провозглашенное апостольское учение или тайные предания, хранящиеся Церковью в «молчании»), тогда как смысл Предания хорошо передается термином «модус». Писание – это фактическое содержание откровения; Предание – это, в свою очередь, и средство, и способность к его получению и постижению, которая актуализируется исключительно при содействии и руководстве Святого Духа. Следовательно, Писание не является частью Предания, а Предание не является одним из двух источников Откровения. Таким образом, поскольку Писание и Предание не являются двумя источниками откровения, каждый из которых мог бы доминировать или противоречить другому, вместо этого будучи содержанием и способностью понимать это содержание, между ними не может быть никаких противоречий.

Итак, в богословии Лосского Писание является скорее одной из форм предания (со строчной буквы), чем Предания (с прописной буквы). Если предания, в том числе и Писание, являются «словом» или «проповедью», тогда Предание – это «тайна» или «таинственная» жизнь Духа внутри Церкви. Если предания провозглашаются и, как следствие, становятся достоянием масс, то Предание молчаливо хранится в недрах Церкви как сокровище, доступное только внутри нее. Чтобы быть более точными, Предание является единственным способом слышать и понимать Божье Слово.

В своем учении о двух плоскостях предания Лосский указывает на то, что Предание и Писание расположены на разных линиях или плоскостях – вертикальной и горизонтальной, – которые временами пересекаются друг с другом. В его понимании Писание – это не больше и не меньше, чем один из «свидетелей» Предания. Только благодаря Преданию тексты Писания оживают и несут в себе жизнь. Таким образом, Писание является одним из способов выражения Истины, тогда как Предание – «единственный способ воспринимать Истину» [5, с. 682]. Лосский утверждает, что Предание «раскрывает существеннейший для Церкви подлинный их [Писания и устного предания. – Э. С. Л.] смысл и значение» [5, с. 687]. Он также неоднократно утверждает, что Церковь знает Истину, или

Писание, в Предании [5, с. 687, 691–692, 695]. Однако он ничего не говорит конкретно о том, как человек может прийти к истинному пониманию Писания через Предание. По этой причине система Лосского представляется довольно неясной в отношении того, как происходит взаимодействие и пересечение горизонтальной и вертикальной плоскостей Предания, в частности как Предание конкретно помогает в истолковании Писания.

Исходя из того, что Предание хронологически предшествовало Писанию, Лосский приходит к следующему выводу: если Церковь могла возникнуть на основе учений апостолов до формирования новозаветного канона, то логично полагать, что она могла бы обойтись без Писания, но не без Предания. (Этими словами Лосский вовсе не ставит под сомнение важность роли Писания для Церкви, ибо подобным образом он подчеркивает неотъемлемую, жизнеполагающую роль Предания. Лосский использует в данном случае первичность Предания во времени в качестве аргумента в пользу того, что Предание не является всего лишь неким «дополнением» или «придатком» Писания. Одним словом, он не нивелирует Писание, но артикулирует особую роль Предания в жизни Церкви.) Кроме того, «[е]сли Писание и все то, что может быть сказано написанными или произнесенными словами, литургическими изображениями или же иными символами, если все это – различные способы выражать Истину, то Священное Предание – единственный способ воспринимать Истину» [5, с. 682]. Читая между строк, можно заметить, что Лосский местами, собственно как и в этом случае, противопоставляет «достаточность» Предания протестантской идее «достаточности» Писания. (Данный вывод следует из контекста, а также из критики Лосского этой протестантской доктрины; см. также: [5, с. 673]. Его точка зрения заключается в том, что Церковь не ограничивается Писанием и что это явно следует из ее существования, процветания и провозглашения ею истины задолго до написания и канонизации книг Нового Завета [8, с. 15–16]. Вслед за этим он делает следующее утверждение о Предании: «Оно не содержание Откровения, но свет, его пронизывающий: оно не слово, но живое дуновение, дающее слышание слов одновременно со слушанием молчания, из которого слово исходит, оно не есть Истина, но сообщение Духа Истины, вне Которого нельзя познать Истину» [5, с. 682].

Кроме всего прочего, Владимир Лосский указывает на эпистемологическую, верифицирующую и герменевтическую функции Предания, которые предполагают собой то, что познание живой Истины возможно только внутри Предания: «Предание состоит не только в устной передаче фактов, которые могут нечто добавить к евангельскому повествованию. Оно есть восполнение Писания и прежде всего осознанное Церковью исполнение Ветхого Завета в Новом. Именно Предание дает понимание смысла истины Откровения (Лк. 24, 25), – не только

того, *что* надлежит принимать, но также – и что главное, – того, *как* следует принимать и хранить услышанное!» [4, с. 724]. В свете Предания, которое Лосский называет «критическим духом Церкви», Церковь определила, какие книги (а иногда и интерполяции) считать каноническими, а какие нет [5, с. 687]. (Кроме того, Лосский называет Предание «основой христианского познания» [5, с. 684]. Г. В. Флоровский по поводу влияния предания на формирование канона Нового Завета высказывался похожим образом. Он характеризовал предание не как какое-то внешнее «влияние», как если бы оно было каким-то образом отделено от самого процесса формирования канона, а скорее как климат самого процесса формирования или рождения Священного Писания внутри Церкви как книги Церкви: «Очень важно помнить, что писания Нового Завета моложе Церкви. Эти писания – это книга, написанная в Церкви» [9, с. 28].) Наконец, Лосский верил, что каждый член Тела Христова может понять содержание Священного Писания только в свете Предания и только внутри Церкви [5, с. 685].

Примечательно, что Лосский довольно критично относился к буквалистскому, строго историко-грамматическому подходу к интерпретации Библии, который, по его мнению, препятствует ее читателям видеть «жизнь – динамическую и в этом смысле никогда не “чистую”, увидеть то живое Предание, которое раскрывает в древнейших текстах все новый смысл, вложенный в них Божественной икономией, соответственно каждой новой дохристианской эпохе» [3, р. 664]. («Бог открывает Себя в священном тексте Писаний по мере того, как мы отрываемся от его буквального смысла – иудеям только он и доступен, – чтобы проникнуть в его духовный смысл, открытый христианам» [1, с. 353]).

Взгляд Лосского подразумевает постижение Писания мистическим образом. Иначе говоря, процесс истолкования Библии является скорее духовным или мистическим, чем «техническим» или экзегетическим. Такой подход пренебрегает необходимостью в какой-либо герменевтической методологии при интерпретации Писания. (Брюнинг приходит к выводу, что русские православные богословы, в том числе Лосский, на самом деле мало интересовались вопросом методологии в интерпретации Писания. Опираясь на работу Александра Негрова, Брюнинг замечает, что герменевтическая традиция русского православия «проводит различие между научным, например историческим или филологическим анализом библейских текстов, и пониманием, которое в конечном счете доступно только верующему, открытому для вдохновения Святого Духа» [10, с. 140]. Цит. по Брюнингу: 7, с. 88.) Эта особенность подхода Лосского не обязательно является проблемой, заключающейся в отсутствии ясности относительно того, как конкретно Предание влияет на понимание Писания внутри Церкви и как оно сохраняет ее от ложных интерпретаций. Кроме того, неизбежно создается

впечатление, что, излагая функции Предания, Лосский фактически обсуждает личность Святого Духа и его функции в Церкви, а не какое-то отдельное средство или герменевтический ключ к аутентичному толкованию Писания.

Лосский признавал богодухновенность Писания, говоря, что «Бог открывает Себя в священном тексте Писаний...» [1, с. 353]. Следуя его концепции двух измерений Предания, Писание находилось на одном уровне (т.е. горизонтальной плоскости) с другими «свидетелями» – Преданиями, например другими церковными писаниями и иконами. Фактически Лосский уравнивает авторитет Писания и других «свидетелей» Предания и считает спор о примате Писания над Преданием ложной проблемой. Вместо этого он подчеркивает примат Предания над Писанием. С одной стороны, он называет Предание и Писание одной полнотой (*pleroma*), с другой – склонен больше акцентировать внимание и подчеркивать место Предания. Практически он поставил Писание в положение полной зависимости от Предания. Однако если учесть, что Лосский, говоря о Предании, рассматривает его как пневматологическое измерение Церкви, то мнимая проблема соотношения Предания и Писания исчезает.

На основании вышеизложенного мы можем сделать общий вывод, что, несмотря на тесное единство между Преданием и преданиями, Лосский их все же различал. Он относил «слово» как написанное, так и устное, включая Писание, к категории «предания». Что касается живого Предания, он определял его как жизнь Святого Духа в Церкви; это опыт, сознание и память Церкви. Он верил, что Писание может быть правильно истолковано только с помощью Святого Духа и внутри Церкви, т.е. в свете Предания. Предание – это пронизывающий свет, посредством которого человек может воспринимать истину, а не содержание откровения. Только в свете Предания можно понять суть преданий, в том числе Священного Писания. Предание не только определило формирование окончательной формы Писания, но и обозначило пределы и границы его понимания. Писание, как и другие кодифицированные источники Церкви, является своего рода свидетелем Священного Предания. Если первое – это «слово» (*logos*), будь то написанное или хранимое в тайне, то последнее является единственным способом его восприятия. Это две реальности одной и той же *плеромы*.

Список использованных источников

1. Лосский В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский // Александрия. – М.: АСТ, 2006. – с. 344–368.
2. Лосский В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский // Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – с. 311–452.
3. Лосский В. Н. Богословие образа / В. Н. Лосский // Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – с. 657–671.
4. Лосский В. Н. Всесвятая / В. Н. Лосский // Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – с. 721–734.
5. Лосский В. Н. Предание и предания / В. Н. Лосский // Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – с. 671–698.

6. Стилианопулос Т. Новый Завет: Православная перспектива: Писание, предание, герменевтика / Теодор Стилианопулос; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. – М.: ББИ, 2008. – 296 с. – (Сер.: Современное богословие).
7. Brüning A. “Tradition and Traditions” – Relating Gadamer’s “Truth and Method” to Russian Orthodox Theology.” / Alfons Brüning // *Journal of Eastern Christian Studies*. – 2014. – №66. – p. 73–90.
8. Fairbairn D. *Eastern Orthodoxy through Western Eyes* / Donald Fairbairn. Louisville, Ky.: Westminster John Knox Press, 2002. – 224 p.
9. Florovsky, G. “Revelation, Philosophy and Theology.” / George Florovsky // *Creation and Redemption*. Vol. 3 of the *Collected Works of Georges Florovsky*. – Belmont, MA: Nordland Pub. Co., 1976. – p. 21–40.
10. Negrov A. I. *Biblical Interpretation in the Russian Orthodox Church: A Historical and Hermeneutical Perspective* / Alexander I. Negrov. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. – 348 p.

References

1. Losskiy V. N. *Bogovidenie* / V. N. Losskiy // *Aleksandriya*. – М.: AST, 2006. – s. 344–368.
2. Losskiy V. N. *Bogovidenie* / V. N. Losskiy // *Bogovidenie*. – М.: AST, 2006. – s. 311–452.
3. Losskiy V. N. *Bogoslovie obraza* / V. N. Losskiy // *Bogovidenie*. – М.: AST, 2006. – s. 657–671.
4. Losskiy V. N. *Vsesvyataya* / V. N. Losskiy // *Bogovidenie*. – М.: AST, 2006. – s. 721–734.
5. Losskiy V. N. *Predanie i predaniya* / V. N. Losskiy // *Bogovidenie*. – М.: AST, 2006. – s. 671–698.
6. Stilianopolos T. *Novyj Zavet: Pravoslavnaya perspektiva: Pisanie, predanie, germenevtika* / Teodor Stilianopolos; [per. s angl. N. Holmogorovoj]. – М.: BBI, 2008. – 296 s. – (Ser.: *Sovremennoe bogoslovie*).
7. Brüning A. “Tradition and Traditions” – Relating Gadamer’s “Truth and Method” to Russian Orthodox Theology.” / Alfons Brüning // *Journal of Eastern Christian Studies*. – 2014. – №66. – p. 73–90.
8. Fairbairn D. *Eastern Orthodoxy through Western Eyes* / Donald Fairbairn. Louisville, Ky.: Westminster John Knox Press, 2002. – 224 p.
9. Florovsky, G. “Revelation, Philosophy and Theology.” / George Florovsky // *Creation and Redemption*. Vol. 3 of the *Collected Works of Georges Florovsky*. – Belmont, MA: Nordland Pub. Co., 1976. – p. 21–40.
10. Negrov A. I. *Biblical Interpretation in the Russian Orthodox Church: A Historical and Hermeneutical Perspective* / Alexander I. Negrov. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. – 348 p.